

ста содержания под стражей», указанной в ст. 321 УК РФ, и включает в себя как сотрудников, имеющих специальные звания, так и неаттестованных служащих учреждения, которые также являются субъектами уголовно-исполнительных отношений, выполняют ряд функций по исполнению соответствующего судебного акта, являются лицами, непосредственно задействованными в исправительном процессе. Наряду с этим представляется верным использовать для определения потерпевшего со стороны спецконтингента словосочетания «лицо, содержащееся в учреждении уголовно-исполнительной системы (месте содержания под стражей)», что позволит решить, с одной стороны, проблемы, возникающие при квалификации и разграничении указанного общественно опасного деяния и иных преступных посягательств, а также распространить уголовно-правовую охрану на больший круг лиц соответствующих категорий.

УДК 343.296

*Л.В. Павлова*

## МЕДИАЦИЯ В СВЯЗИ С СОВЕРШЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

В Республике Беларусь в 2021 г. на законодательном уровне произошло расширение сферы применения медиации как альтернативного способа урегулирования споров (конфликтов). Ранее возможности медиации использовались для разрешения споров, возникающих из гражданских правоотношений (включая касающиеся осуществления предпринимательской, иной хозяйственной (экономической) деятельности), и споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь внесены дополнения, легализовавшие проведение с участием медиатора переговоров в связи с совершенным преступлением и заключение медиативного соглашения по данным вопросам.

Принимая во внимание специфику публично-правовой сферы (поскольку, например, преступление не может быть рассмотрено как спор), был скорректирован понятийно-категориальный аппарат института медиации, что потребовало закрепления в ст. 6 УПК специальных дефиниций: медиативное соглашение – соглашение, заключенное в письменном виде между обвиняемым и потерпевшим по результатам переговоров, проведенных в порядке, предусмотренном законодательными актами, в целях содействия их примирению; медиатор – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению; медиация – переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению.

Нововведения оцениваются по-разному. В числе отрицательных отзывов указание на то, что исключена возможность учета медиативного соглашения, заключенного между сторонами, когда в уголовном процессе они пребывают в статусе подозреваемого и потерпевшего либо обвиняемого или подозреваемого и гражданского истца. В УПК недостаточно конкретизирован статус медиатора как участника уголовного процесса; не предусмотрены соответствующие права и обязанности, как это было сделано, например, в УПК Республики Казахстан; равно отсутствует возможность приостановления производства по уголовному делу в связи с проведением медиации; не были проработаны иные особенности функционирования системы правосудия в связи с проведением медиации. Изложенное оставляет открытым вопрос о появлении в белорусском уголовном процессе института медиации. Более верно заключить, что в уголовно-процессуальном законодательстве появились нормы о медиации. При этом данное положение дел не исключает дальнейшего успешного развития медиации в рассматриваемой сфере.

Классифицируя модели медиации, применяемые разными государствами, исходя из их связанности с уголовным процессом, возможно выделить процессуальные (включая судебные) и внепроцессуальные модели медиации. Первые, как правило, встроены в уголовный процесс, включают в себя детальную регламентацию взаимодействия медиатора и органа, ведущего уголовный процесс, определяют правовое значение достигнутого медиативного соглашения для решения вопроса об уголовной ответственности лица. И процессуальные, и внепроцессуальные модели имеют как определенные достоинства, так и недостатки. Выбор направления, в котором следует развивать медиацию, видится одной из первоочередных задач, которые следует решать, внедряя рассматриваемый институт в национальную правовую систему. Применительно к сложившемуся в Республике Беларусь варианту введения медиации возможно констатировать, что данная задача не была проработана должным образом. В настоящее время это затрудняет выработку предложений как по устранению имеющихся противоречий, так и по дальнейшему развитию медиации как включенного в уголовный процесс либо как внепроцессуального института.

Аналогично и в отечественной юридической литературе отсутствует единство в использовании выражений, например, встречаются: «институт медиации в уголовно-процессуальном законодательстве», «процедура медиации в уголовном процессе», «медиация в уголовном праве и уголовном процессе», «медиация в уголовных делах», «посредничество по уголовным делам», «уголовно-правовая медиация», «медиация в уголовном судопроизводстве (для разрешения уголовно-правовых конфликтов)», «медиация по урегулированию споров, возникающих из уголовно-правовых отношений». Некоторые из приведенных выражений распространяемы на широкий круг отношений, другие связаны с конкретными моделями медиации, что важно учитывать при проведении исследований и последующем внесении предложений. Достаточно универсальными являются выражения «медиация по уголовно-правовым конфликтам», «медиация для разрешения уголовно-правовых конфликтов», однако понятие «уголовно-правовой конфликт» еще не устоялось в понятийном аппарате законодательства по вопросам уголовной ответственности.

При обращении к правовому источнику международных рекомендаций по вопросам медиации установлено, что в тексте официального издания, представленного на английском языке, использованы выражения, не связанные ни с уголовными делами (criminal cases), ни с уголовным процессом (criminal justice process, etc.). Приведем название документа с сайта Совета

Европы: Recommendation No. R (99) 19 of the Committee of Ministers to member States concerning mediation in penal matters. Данные рекомендации с учетом *penal matters* следует рассматривать, на наш взгляд, связывая с вопросами наказания, а точнее, уголовной ответственности. Соответственно, более верным видится вести речь о медиации в связи с совершенным преступлением, что влечет за собой вопросы об уголовной ответственности лица и применимо ко многим моделям медиации.

УДК 343.2

*Е.А. Реутская*

### **КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОРРЕКТИРОВКИ**

Создание эффективной системы правовых норм, обеспечивающих защиту интересов личности, общества и государства, является одной из основных задач любого государства. Основным средством охраны общественных отношений от возможных угроз является Уголовный кодекс Республики Беларусь. Более того, именно уголовное законодательство обладает наиболее карательным потенциалом по сравнению с иными отраслями законодательства, что обусловлено охранительной функцией уголовного права. Так, только УК в качестве правовых последствий нарушения уголовно-правовых запретов предусматривает возможность применения к нарушителю различных наказаний, в том числе связанных с изоляцией виновного от общества, вплоть до смертной казни.

В связи с особой ролью УК любые реформы уголовного законодательства должны быть системными и обоснованными. Вступивший в силу в 2001 г. УК отвечал требованиям Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», в частности системности и логическому построению норм, а также потребностям общества и белорусского государства в тот период времени. С последующим изменением общественных отношений возникла неизбежная потребность в корректировке норм уголовного законодательства. Однако точечные изменения отдельных норм УК не всегда учитывают возможное влияние скорректированных норм на систему уголовного законодательства в целом, могут нарушать системность уголовно-правовых норм и влечь за собой их рассогласованность. Как справедливо отмечает А.В. Барков, за 21 год действия УК редакционные изменения претерпели 1 162 нормы, чем была нарушена системность уголовного закона, поскольку «кодекс подобен сооружению, где каждая норма – своеобразный кирпичик в конструкции закона».

Все изменения уголовного законодательства условно можно разделить на две группы: изменения, касающиеся отдельных статей или примечаний Особенной части УК (влияют на отдельно взятую группу общественных отношений), и изменения отдельных институтов Общей части (например, исключение повторности из форм множественности Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З, что оказало влияние на институт множественности в уголовном праве). Именно изменения, вносимые законодателем в Общую часть УК, должны быть наиболее взвешенными и обоснованными.

Вышеизложенное касается и изменения критериев категоризации преступлений, которая влияет на целый ряд институтов уголовного права: определяет ответственность за приготовление к преступлению, влияет на назначение наказания, определяет порядок и является важным условием применения иных мер уголовной ответственности, учитывается при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности, определяет вид рецидива и т. д. В ч. 1 ст. 12 УК закреплено деление преступлений на четыре категории в зависимости от формы вины и размера наказания в виде лишения свободы: преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. До 2003 г. к категории менее тяжких преступлений относились умышленные преступления, за которые законом было предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше 5 лет, к тяжким – умышленные преступления с максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок не свыше 10 лет, а к особо тяжким – умышленные преступления с наказанием в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет, пожизненного заключения или смертной казни (Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-З указанные сроки были увеличены до 6 и 12 лет соответственно). Проанализировав УК, А.В. Барков отметил, что значительная часть тяжких (15 составов) и особо тяжких (23 состава) преступлений перешли в вышестоящую категорию автоматически без реального учета их характера и степени общественной опасности.

Не менее важным вопросом, касающимся реформы категорий преступлений в ст. 12 УК, является научная дискуссия о количестве категорий преступлений. Так, в настоящее время существуют основные концепции классификации преступлений в пределах трех – пяти категорий. Авторский коллектив Энциклопедии уголовного права закономерно ставит вопрос: почему в законе выделены четыре, а не три или пять категорий? Отечественный УК, как и УК РФ, закрепил четыре категории преступлений, что объясняется влиянием на содержание отдельных институтов уголовного права Модельного уголовного кодекса СНГ, принятого Межпарламентской ассамблеей СНГ 17 февраля 1996 г., в ст. 18 которого выделены четыре категории преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния: преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. В качестве пятой категории преступления ряд авторов предлагают «уголовный проступок», место которого в системе уголовного законодательства пока не определено. Так, по мнению Н.Г. Кадникова, существуют три основных приема законодательной техники включения уголовного проступка в УК: оставить категорию «преступления, не представляющие большой общественной опасности (уголовный проступок)», фактически приравняв преступления, не представляющие большой общественной опасности, к уголовному проступку в ч. 2 ст. 12 УК; заменить категорию «преступления, не представляющие большой общественной опасности» на уголовный проступок в ч. 2 ст. 12 УК; закрепить уголовный проступок как новую категорию преступления в ч. 1 ст. 12 УК. Какой бы прием законодательной техники